

солидный научно-исследовательский комплекс, который укомплектован самыми высококвалифицированными научными и педагогическими кадрами и имеет, таким образом, тенденцию к развитию за счет внутренних резервов — посредством воспроизводства собственных специалистов.

Все сказанное позволяет сделать следующие выводы.

Экономическое освоение Западно-Сибирского региона во второй половине XX века явилось мощнейшим стимулом для формирования здесь местной научно-производственной, исследовательской базы, толчком для развития собственной системы подготовки высокообразованных кадров. Одним из проявлений этого процесса стало появление и достаточно быстрое развитие региональной системы высшего образования. При этом если в первой половине века все попытки создания подобной системы связывались с необходимостью подготовки педагогических кадров, то в период примерно с середины 60-х гг. упор был сделан на выпуск специалистов для конкретных отраслей народного хозяйства.

За прошедшие со времени открытия первого вуза региона годы система высшей школы города накопила богатый опыт по организации процесса обучения, вовлечения студентов в активную научно-исследовательскую работу. Была воспитана целая плеяда ныне широко известных ученых.

Развитие системы высшей школы благоприятно сказалось на повышении уровня общенаучного потенциала западносибирского региона в целом и Тюменской области в частности, на увеличении количества научных исследований, строящихся на местном материале и посвященных региональной тематике.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 88.
2. Клейминов В. И., Слостенин В. А. Становление и развитие высшей школы // Школа Тюменской области: Сборник 41. Выпуск 8. Тюмень, 1968. С. 152.
3. Там же.
4. Красное знамя. 1930. 22 сентября. С. 4.
5. Клейминов В. И., Слостенин В. А. Указ. соч. С. 173.
6. Шафранов-Куцев Г. Ф. Университет и регион. Тюмень, 1997. С. 55.

Раздел III ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

В. В. Яковлев

МОДЕЛЬ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЗНАМЕНИЙ И ЧУДЕС В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Изучение исторических сочинений раннего средневековья, таких, например, как “История франков” Григория Турского и “История лангобардов” Павла Диакона, неизбежно сопряжено со стремлением исследователя выявлять наиболее специфические черты историографии того времени. Совершенно справедливо будет причислять к ним универсализм, более свойственный, конечно, Григорию Турскому, и персонализм, в одинаковой мере воплощенный и в “Истории франков” [1], и в “Истории лангобардов” [2]. Частые же ссылки раннесредневековых хронографов на знамения, всевозможные видения и чудеса медиевисты всегда относили к разряду особенностей, но никогда не пытались развести эти явления, считая их единым отражением способа мировосприятия, ориентированного преимущественно на парадигмы христианской культуры [3].

Между тем считать знамения и чудеса просто чем-то неизбежным для подобного рода источников — значит, во-первых, лишать оригинальные тексты неповторимого смыслового колорита и, во-вторых, несправедливо игнорировать решение вопроса если не о каноничности, то хотя бы правомерности упоминания знамений и чудес в общем-то христианскими писателями. Причем соответствие этих рассказов традициям христианской экзегезы в будущем еще потребует специального объяснения, так как знамения и чудеса были широко распространены в понятийном аппарате нехристианских культур и цивилизаций [4].

Все многообразие необычных явлений, зафиксированных у Григория Турского и Павла Диакона в виде чудес и предзнаме-

нований, требует неординарного к себе подхода. Он заключается в настоятельной необходимости обосновывать воспринимаемые а priori различия пространственно-временного универсума названных казусов от такого же универсума обыденных событий, описанных в "Историях". Сам факт пристального внимания раннесредневековых историков к загадочным, энигматическим, происшествиям [5] свидетельствует о демонстрируемой средневековыми людьми убежденности в сакральности передаваемого посредством их знания.

Сейчас обнаруживается локализация предзнаменований по времени и месту. Григорий Турский и Павел Диакон с детальными подробностями повествовали о городах и областях, где были замечены знамения. Франкам предзнаменования являлись в Клермоне (Григ. Тур. IV. 31), Туре, Суассоне, Анжере (Григ. Тур. VI. 21) и некоторых других бургах. Лангобардский историк сообщал о знамениях в Лигурии и в Риме (Paul. Diac. III. 24). Хронографы старались уточнить, в какой именно период года были замечены предзнаменования. Согласно римскому летоисчислению, здесь встречались октябрьские календы (Григ. Тур. IV. 31), майские ноны (Paul. Diac. VI. 5) либо просто упоминания о месяцах.

При этом вовсе не снимается вопрос о религиозной принадлежности сакральной информации в энигматических казусах, а говорить об исключительно христианизированной ее форме, по меньшей мере, преждевременно. Ведь теменос (6) энигматического у Григория Турского и Павла Диакона не был ограничен исключительно районом храма либо какого-нибудь священного места. Если же речь заходит о знамениях, то здесь царит полная произвольность хронотопа, кроме, пожалуй, вызывавших живой интерес у франкского историка случаев совпадения предзнаменований с днями христианских праздников. Григорий Турский привел примеры знамений, явившихся в ночь на 11 ноября 577 года, когда отправлялось ночное бдение в честь блаженного Мартина (Григ. Тур. V. 23). К разряду предзнаменований с отчетливо сакральным хронотопом нужно относить подмеченную в "Истории франков" связь наиболее важных моментов жизни Хильдеберта с праздничными днями. Крещение тот принял в день Пятидесятницы, а стал королем в день Рождества (Григ. Тур. VIII. 24). Особой сакральной силой наделялись внутренние по-

кои базилики блаженного Андрея, и, когда, по словам Григория Турского, в нее залетели жаворонки, это было расценено как знамение (Григ. Тур. IV. 31).

Еще одно обстоятельство, которое следует подчеркнуть при изучении всякого рода "чудесных явлений" в раннесредневековых историях, касается проблемы идентификации, а на локальном уровне и объяснимости различий между чудесами и знамениями. С формальной точки зрения, подтверждаемой, кстати, воззрениями некоторых западных и восточных отцов церкви, знамения никак не отличаются от чудес и практически полностью сливаются друг с другом [7]. Иоанн Златоуст и Аврелий Августин, считавшие именно так, не сомневались, что чудеса и знамения суть видимые воплощения божественного промысла на земле [8]. Кроме всего прочего, Августин настаивал на желательности веры в них, предостерегая, однако, от обращения в язычество. Уверенность в каноничности целого ряда энигматических происшествий теоретикам христианских догматов придавала Библия [9].

Анализ сочинений Григория Турского и Павла Диакона убеждает в отсутствии предпосылок безапелляционного приравнивания предзнаменований к чудесам по своим значениям или по каким-либо иным критериям. Во-первых, это не позволяет сделать терминологический аппарат, применяемый франкским и лангобардским историками для двух типов указанных энигматических казусов. Знамения отразились у них в таких понятиях, как "signum" и "portentum". Для словесной объективации чудес варварские хронографы использовали существительное "miraculum" ("чудо", "диво") (Paul. Diac. I. 26, III. 23) и прилагательное "mirabilis" ("странный", "удивительный") (Paul. Diac. III. 34). В "Истории лангобардов" известны главы под такими названиями: "О знаках (знамениях) чумы и смертности..." (Paul. Diac. II. 4), "О знаке (знамении) крови..." (Paul. Diac. IV. 15). Слово "portentum" имело амбивалентное значение и переводилось то как "чудо", то как "знамение". Павел Диакон, скорее всего, использовал его для предзнаменований. Об этом свидетельствуют события, описываемые под термином portentum: холодная погода и кровь, пролившаяся из облака (Paul. Diac. IV. 4). Григорием Турским подобные происшествия без замешательства воспринимались в духе знамений (Григ. Тур. VI. 14, VI. 44).

Вторым препятствием к полному стиранию границ между предзнаменованиями и чудесами служит то обстоятельство, что эти явления, может быть и бессознательно, наделялись в раннее средневековье несхожей природой. Чудеса имели обыкновение случаться с людьми или производиться ими. Чудесными, в понимании автора "Истории франков", были жизнь и деяния раданского монаха Юлиана и затворника Госпиция. Первый прославился излечением больных и бесноватых (Григ. Тур. IV. 32), а второй предсказанием вторжения лангобардов в Галлию и даром изгнания злых духов (Григ. Тур. VI. 6). Оба они соблюдали строжайший пост, тогда как Госпиций еще и подвергал себя телесным истязаниям. По мнению Павла Диакона, чудеса происходили и с храмами, когда они оставались невредимыми в ходе сильнейших наводнений (Paul. Diac. III. 23). Но самым существенным признаком дифференциации знамений и чудес уместно называть отчетливый морализм и апологетически-назидательный характер последних. Например, тех, кто вспоминал покойного святого Ницетия недобрым словом, поражала лихорадка. Григорий Турский не забыл и про сохраняемые народной памятью предания, в которых этот святой, приходя во сне к грешнику, мог наказывать его болезнями и подвергать избиению (Григ. Тур. IV. 36).

Среди главных отличительных черт предзнаменований стоит указать на феномен их общедоступной видимости, дополняемый спонтанностью появления. Подавляющее большинство знамений "Истории франков" и "Истории лангобардов" представляет собой гиперболизированные описания процессов природного мира. Часто знаменательными функциями наделялись события с участием животных — волков, змей, иногда птиц. Примечательно, что змеи или вообще пресмыкающиеся упоминались обоими историками тогда, когда речь шла о наводнениях (Григ. Тур. IX. 5; Paul. Diac. III. 24). Назидательная функция предзнаменований отходила на второй план. Они преимущественно оповещали о морах, эпидемиях, природных катаклизмах. Перед эпидемией дизентерии, охватившей Галлию в 581 году, явилось целое множество знамений. Люди видели молнии, ощущали гул землетрясения и наблюдали лунное затмение (Григ. Тур. V. 33, 34, 41). Хотя встречались и своего рода односложные предзнаменования. У Павла Диакона, однажды, комета сопутствовала смене акви-

лейского патриарха (Paul. Diac. IV. 33), а огненные знаки на небе предвещали приход лангобардов в Италию (Paul. Diac. II. 5).

Вряд ли есть повод усомниться в том, что предзнаменования нуждались в интерпретации и в средние века. Здесь исследователь сталкивается с необходимостью ознакомления с известными в средневековье способами толкования энигм. Их практика могла тогда быть обращена, по меньшей мере, к двум традициям — ученой и народной. Принадлежали ли значения знамений к неким строго фиксированным языковым и мыслительным тропам и архетипам? На этот вопрос нельзя ответить, пока не будет установлено, до каких пределов могли умножаться значения знамений.

Теория знака, разработанная Аврелием Августином, не позволяет уточнить степень константности знамений как знаков. С ее помощью удастся лишь определить место знамений в классификации знаков, предложенной епископом Гиппонским. Но опять же непонятно, каким образом знамения как переносные визуальные знаки, по Августину [10], существовали и существуют в текстах обеих "Историй". Другими словами, не снимал ли эффект записанных предзнаменований потребности в поиске их значений? Согласившись с тезисом Августина о полисемичности слов и фраз в мифологическом тексте, каковым епископ, пусть с большими оговорками, считал и Библию, разумно предположить, что похожей полисемичностью обладали и значения предзнаменований, но уже в первую очередь не как визуальные, а как текстовые знаки [11]. Данное допущение не позволяет сужать определение знамений до пределов шаблонных стилистических приемов, в которых сакральное сохранялось бы лишь в виде ритмически повторяющихся и уравненных по значению наборов каких-то знаков.

Напрасно надеяться разрешить проблему значений знамений в раннесредневековых исторических сочинениях только на основе дихотомии профанной повседневности и сакральной действительности, якобы отразившейся в знамениях. Сознвая перспективность этой теоретической модели, нужно помнить о том, что она бесконечно изменяема. Эпизоды с предзнаменованиями и сугубо описательная история, например у Григория Турского, будут оцениваться в понятиях большей или меньшей сакральной знаковости, если отнести труд франкского историка к разряду христианских эзотерических произведений. В таком случае, зна-

нения, упоминаемые в "Истории франков", типологически зависимы от знамений, допустим, Апокалипсиса [12]. Отсюда следует, что интерпретироваться они должны исключительно с помощью прецедентов Священного писания. В свою очередь, это резко снизит число применимых к знамениям значений, сводимых, в конечном итоге, к воплощению в концептах предзнаменований эсхатологических образов. Предварительный текстологический анализ и сравнение некоторых знаковых образов Откровения из *Vulgata versio* Иеронима (IV в. н. э.) с подобными же образами из "Истории лангобардов" Павла Диакона, пока не подтверждают присутствия апокалиптических компиляций в труде лангобардского историка. В Вульгате встречаются повествования о молниях, голосах и громах (Арос. 4. 5) [13], землетрясении, затмении солнца и налившейся кровью луне (Арос. 6. 12) [14], падающей звезде (Арос. 8. 10) (15). Автор "Истории лангобардов" писал о "затемненной звезде" ("De stella obscura..." (Paul. Diac. VI. 9), "дождях и громах" ("De pluviis et tonitruis..." (Paul. Diac. V. 15), "затмении солнца и луны" ("De eclipsi lune et solis..." (Paul. Diac. VI. 5) и т. п. Но при всем сходстве словоупотребления смысл предзнаменований двух источников оставался разным.

Думается, дальнейшее изучение знамений должно строиться с учетом распознавания в них и в их значениях свойств детерминированных ментальными и психологическими установками качественно телеологичных поведенческих стереотипов. В процессе интерпретации значений знамений станет ясным, можно ли фиксировать некие константные пары знаковых образов предзнаменований и их значений либо же лучше проверять на предмет совпадения каждый из знаков, например, в комплексном образе, с тем значением, которое для него указал автор или которое сконструировано исследователем по смыслу. И только после проведения этой операции историк сможет, наконец, выдвигать объективные предположения о культурной принадлежности расшифрованного в виде значения знака знамения, потому что станет видно направление доминирующего вектора формирования значения.

Собственно, предлагаемая модель дифференциации знамений и чудес актуализирует своего рода оппозиционность знаменательного и чудесного в раннесредневековых "Историях". Поводом к такому противопоставлению и послужили обнаруженные отличия

в способах формирования значений для двух типов энигматических казусов. Если чудеса имели прямой выход на христианскую традицию морально-назидательных примеров (*exemplum*) [16], то культурная и религиозная фабула смысла предзнаменований была гораздо сложнее. Следовательно, решение вопроса о дифференциации знамений и чудес в исторических сочинениях раннего средневековья может внести некоторые дополнения в теорию средневекового символизма и скорректировать представления о смысловой значимости энигматических казусов в повседневной жизни человека средних веков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 5-318.
2. Paulus Diaconus. *Historia gentis Langobardorum // Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum langobardicarum et italicarum saec. VI-IX.* Hannoverae, 1878. P. 12-187.
3. Например, у Поля Фоуракра знамения в виде чудес, наряду с предсказаниями о будущем величии, данными человеку во младенчестве, выдающимися деяниями, совершенными им в зрелости, и реальным вознесением на небеса, восходят к серии мотивов, берущих начало в христианской "традиции святости". См.: Fouracre P. *Merovingian history and Merovingian hagiography // Past and Present.* Oxford, 1990. №127. P. 10-11.
4. В Древней Месопотамии по молнии, дождю и т. п. могли предсказывать "мир или войну, урожай или потоп". См.: Оппенгейм А. Лео. Древняя Месопотамия (Портрет погибшей цивилизации). М., 1980. С. 230. По Марцеллину, последний период жизни императора Августа Констанция был отмечен знамениями. См.: Аммиан Марцеллин. Римская история. Кн. XXI. 14. М., 1996. С. 236.
5. "Энигматический", что значит "загадочный", "непонятный". См.: Словарь иностранных слов. М., 1979. С. 600.
6. Термин К. Хюбнера. См.: Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996. С. 144.
7. "Знамения" и "чудеса" использовались Иоанном Златоустом друг для друга в качестве синонимов. См.: Иоанн Златоуст. О священстве. Слово четвертое // Иоанн Златоуст. Полное собрание творений: В 12 т. Т. 1. Кн. 2. М., 1991. С. 457 и далее.
8. О чудесах, подтверждающих обетование Божие, см., напр.: Блаженный Августин. О граде Божием в двадцати двух книгах. В 4 т. Т. 2. Кн. 10. Гл. VII. М., 1994. С. 116-117. О видимых чудесах, совершаемых Богом через ангелов, см.: Он же. Указ. соч. Т. 2. Кн. 10. Гл. XII. С. 127-128.

9. Однако антихрист тоже будет творить знамения. См.: Откр. 13. 13. Кроме того, святитель Игнатий (Брянчанинов) считал, что: "...фарисеи и саддукеи, требуя у Господа знамения с небесе (курсив автора. — В. Я.), требовали чуда в характере чудес антихриста". См.: Святитель Игнатий (Брянчанинов). О чудесах и знамениях. М., 1997. С. 15.

10. Бычков В. В. Эстетика Аврелия Августина. М., 1984. С. 219.

11. И, собственно, тексты, с акцентировано теологической информацией. См. об этом: Васильев С. А. Синтез смысла при создании и понимании текста: Философские проблемы. Киев, 1988. С. 102.

12. Кстати, в Апокалипсисе Вульгаты и знамения, и чудеса представлены термином "signum". См.: (Апoc. 12.1, 12.3, 13.13, 13.14, 15.1).

13. "...et de throno procedunt fulgura et voces et tonitrua..." (Апoc. 4. 5).

14. "...et terraemotus factus est magnus et sol factus est niger tamquam saccus cilicinus et luna tota facta est sicut sanguis..." (Апoc. 6. 12).

15. "...et cecidit de caelo stella magna ardens tamquam facula..." (Апoc. 8.10).

16. В одном из своих исследований по названной проблематике А. Я. Гуревич в качестве источника использовал труд Григория Турского "О чудесах святого Мартина". См.: Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 37 и далее.

С. В. Кондратьев

ЮРИСТЫ ОБЩЕГО ПРАВА ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ АНГЛИИ И ИХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ (как это представлено в исторической науке)

Революция — центральное событие английской истории XVII века. Данное утверждение не нуждается в доказательствах уже хотя бы потому, что никакое другое событие Англии этого времени не привлекает внимание историков так часто, как перипетии борьбы короля со сторонниками парламента, парламента с армией, индепендентов с левеллерами и т. п. Так повелось, что предпочтения отдаются истории "в ее минуты роковые". Вот почему, думается, предреволюционному периоду английской истории в отечественной историографии повезло гораздо меньше. Эпоха ранних Стюартов в том виде, в каком она представлена в обобщающих работах отечественных специалистов по истории Ан-

глийской революции, напоминает случайного и малознакомого человека, с которым следует, не останавливаясь, раскланяться в прихожей, спеша к гостеприимным, хорошо знакомым и поэтому интересным хозяевам. На самом же деле, предреволюционный период имеет свою привлекательность, свидетельством чему служат многочисленные исследования, появляющиеся ежегодно в Англии, США, других англоговорящих странах. Только в последние годы историографическая ситуация начала меняться в нашей стране [1]. Предреволюционная Англия стала обретать если и не суверенитет, то хотя бы автономию в современном отечественном англоведении. Однако тех черт, которые были обозначены в последних работах, еще явно недостаточно, чтобы составить полную картину о происходивших в стране процессах.

Практически не исследована структура предреволюционного сознания. Встречающееся до сегодняшнего дня утверждение о том, что незавершенность английской Реформации была чуть ли не единственным фактором, который идейно готовил гражданскую войну, представляется нам упрощением [2]. Хотя бы потому, что с начала XVII в. и вплоть до середины 1630-х гг. (особенно при архиепископе Дж. Эбботе) в Англии радикальное пуританское течение за преобразование церкви ничем особым себя не проявило. Не велось никаких серьезных дискуссий о состоянии религии и церкви, тогда как правовые проблемы поднимались в судах и парламенте, вызывая жаркую полемику. Пуританское движение начинает играть видную роль в радикализации умонастроений современников буквально в последние предреволюционные годы [3]. Совершенно очевидно, что структура общественного сознания предреволюционной Англии была сложной и комплексной и что ее не следует сводить только к сознанию религиозному. Не одни религиозные ориентации двигали тогда людьми. Представляется необходимым прежде всего изучение мировоззрения элитных групп и простолюдинов, жителей столицы и жителей провинций, быстро развивающегося юго-востока и отстающего северо-запада. Нужны исследования, посвященные изучению установок и ценностных ориентаций отдельных профессиональных и социопрофессиональных сообществ.

Предреволюционную Англию можно назвать правовым государством, поскольку положение о том, что право должно регулировать жизнь людей и общества, достаточно прочно укорени-